

На правах рукописи

Скоромолова Юлия Владимировна

**МОРФОТЕМНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ
СИТУАТИВНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре прикладной лингвистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный технический университет»

Научный руководитель: Фефилов Александр Иванович

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общего и германского языкознания,
декан Факультета лингвистики, межкультурных связей и
профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Ульяновский
государственный университет»

Официальные оппоненты: Бузинова Людмила Михайловна

доктор филологических наук, доцент,
директор Института иностранных языков
АНО ВО «Московский международный университет»

Лавриненко Ирина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и технологии перевода
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический
университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»

Защита диссертации состоится 17 января 2024 г. в 12.30 часов на заседании диссертационного совета Д 72.2.007.09 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129626, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpu.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Э. В. Нерсесова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа представляет собой исследование процессов языковой объективации категории ситуативности, а также ее речевой актуализации в субъектной позиции в предложении в русском и английском языках с применением когнитологической методики морфотемного анализа.

Когитология (ср. лат. *cogitio* – мыслить) как междисциплинарное направление когнитивной лингвистики последовательно разрабатывается А. И. Фефиловым [Фефилов 1997, 2004, 2010] и последователями морфотемной школы [Блинова, 2008; Вахрушева, 1999; Игошина, 2004; Сибиряков, 2021; Чуркин, 2005; Шарафутдинова, 1999 и др.] с целью изучения закономерностей «языковлечения» и «оречевления» процессов мышления. В качестве операционной единицы лингвистического анализа используется *морфотема* – формально-семантическая модель языковой единицы, которая представляет собой единство «морфы» (или формы) как совокупности внутренних и внешних формантов и «темы» (или семантической основы) как совокупности лексикализованных и грамматикализованных семантических признаков языковой единицы, структурно организованных в *синтагмему*.

«Оязыковление» мыслительных понятий – это сложный многоуровневый процесс, состоящий из семантизации и формантизации. На уровне семантизации мыслительные понятия (концепты), объединенные в связное целое, или *концептему*, организуются в синтагмообразную структуру, которая представляет собой свернутую пропозициональную цепочку (синтагмему). В данном диссертационном исследовании анализируются аспекты семантизации концептемы ситуативности и возможности ее речевой реализации.

Для разграничения единиц языка и речи в концепции используются термины *лингвема* – единица языкового сознания (языкослово), которая представляет собой объективированное в языке мыслительное содержание, во многом обусловленное регламентированным национально-культурным сознанием носителей конкретного языка, и *локутема* – единица речевого мышления (речеслово), которая выражает дополнительный, ситуативно обусловленный коммуникативный смысл, наслаивающийся на лингвему и реструктурирующий ее значение.

Объектом исследования является категория ситуативности как результат взаимодействия языкового сознания и речевого мышления в русском и английском языках.

Предметом исследования выступают способы объективации в языке ситуативного значения языковых единиц, а также способы речевой актуализации ситуативности языковыми единицами, помещенными в процессе речепродуцирования в субъектную позицию в предложении-высказывании.

Языковая концептуализация и категоризация мыслительных понятий стали центральными темами в современных исследованиях по когнитивной лингвистике [Болдырев, 2001, 2016; Дзюба, 2022; Заботкина, 2016; Карасик, 2004; Кубрякова, 2004; Маслова, 2007; Рахилина, 2008; Селиверстова, 2020; Стернин, 2007; Сулейманова, 2021; Фефилов, 2004, 2010; Dirven, 1998; Jackendoff, 1996; Langacker, 2019; Talmy, 2000 и др.]. Концепции всех исследователей так или иначе постулируют аксиому об универсальном характере мыслительных категорий, которые объективируются на разных уровнях языковой системы и актуализируются в речи в том числе при помощи синтаксических инструментов.

Универсальной категоризации и языковой объективации подвергаются лишь базовые концепты и понятия, помогающие структурировать в индивидуальном сознании информацию

о мире [Кубрякова, 1997]. Одной из таких комплексных категорий является речемыслительная категория ситуативности, процессы вербализации которой в русском и английском языках представляются недостаточно изученными на настоящий момент.

В рамках языковедческих исследований неоднократно поднимались проблемы субъектного фактора в сфере понимания и реализации языка, в том числе специфики речевой актуализации мыслительных понятий в синтаксической позиции субъекта (вербализация категории субъектности) [Дручинина, 2002; Золотова, 2001; Калинова, 2016; Панфилов, 1971; Радченко, 2012; Степанов, 1979; Sepir, 1993].

Случаи, когда позицию субъекта высказывания занимает так называемое «имя ситуации», когда по одному конкретному имени слушателю приходится восстанавливать целую, иногда очень сложную ситуацию, представляют особый интерес для современной науки. Довольно часто понимание подобных «ситуативных» имен требует необходимой лингвокультурологической базы, как в примере «Просто кошка между нами пробежала» [Донцова, 2003], или референции глубоко в предтекст, как в предложении «Платок сводил меня с ума» [Акунин, 2006], или умения «распаковывать» мысль, используя собственные мыслительные ресурсы, как в случае с авторскими речевыми креативами – ср. «Лицо дня приобретает определённое выражение» [Грин, 1986].

Лингвисты по-разному трактуют такие языковые феномены: как «пропозитивную лексику» [Арутюнова, 2002], «номинализованную пропозицию» [Золотова, 2002], «реляционные структуры» [Сусов, 1988], «мыслительный образ типовой ситуации» [Кубрякова, 1997], «событийный фрейм» [Fillmore, 1968], «ментальные событийные модели» [Заботкина, 2016], «дискурсивную ситуативность» [Дзюба, 2022]. Однако все исследователи признают недостаточную разработанность существующих методологических основ для трактования подобных языковых явлений и в связи с этим – необходимость более детально и развёрнуто описать процессы означивания ситуации на уровне языковой объективации и речевой репрезентации.

Таким образом, **актуальность** работы определяется следующими факторами:

1) приоритетным интересом современной когнитивной лингвистики к языковой концептуализации и категоризации мыслительных понятий, что требует пополнения как методологического ресурсного корпуса, так и практического инструментария для современных исследований ранее не изучавшихся категорий, в частности, категории ситуативности;

2) особым лингвистическим статусом субъектной синтаксической позиции для текстовой интерпретации, что выявляет необходимость определения категории субъектности с точки зрения лингвистики;

3) частотным использованием в современных языках языковых единиц комплексной семантики с референцией на многоактантные жизненные ситуации и в связи с этим – возникающей необходимостью выявления способов языковой объективации категории ситуативности;

4) активным креативным речепродуцированием, задействующим единицы неситуативной семантики для актуализации категории ситуативности и, как следствие, необходимостью описания соответствующих когнитивных механизмов;

5) активной цифровизацией всех жизненных процессов, которая объективно приводит к необходимости цифровизации методик распознавания речи и перевода, что невозможно без

проникновения во внутреннюю структуру таких неоднопорядковых категорий, как категория ситуативности.

Цель исследования – раскрыть возможности вербального (языкового и речевого) воплощения мысли (мыслительных концептов и концептемы) на примере *речемыслительной категории ситуативности*, представляемой языковыми единицами в субъектной позиции в предложении в русском и английском языках.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть существующие подходы к определению речемыслительных категорий, дать теоретическое обоснование выделения категории ситуативности и описания потенциальной ситуативной референтности языковых единиц, помещенных в субъектную позицию; обосновать применение морфотемного подхода для анализа категории ситуативности на примере как языковых, так и речевых единиц.

2. Описать процессы языковой объективации концептемы ситуативности с учетом структуры ситуативной синтагмемы и формальных способов ее представления с последующим описанием возможных морфотемных (инвариантных) моделей ситуативности в русском и английском языках.

3. Проанализировать особенности речевой репрезентации концептемы ситуативности в русском и английском языках с учетом существующего языкового инструментария, а также авторского креативного речепродуцирования.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные вопросам: а) философии языка [Витгенштейн, 1958; Ельмслев, 2006; Есперсен, 1958; Рассел, 1996; Фреге, 1977], б) лексической семантики и семантики предложения [Апресян, 1974; Гак, 1971; Звегинцев, 1996, 2001; Золотова, 1988, 2001; Кацнельсон, 1965, 2002; Кобозева, 2000; Лайонз, 2003; Степанов, 1979; Сусов, 1973; Chafe, 1970; Lakoff, 1980, 1993; Serig, 1993], в) когнитивной лингвистики [Арутюнова, 1979, 2002; Вежбицкая, 1999; Дзюба, 2022; Карасик, 2004; Кибрик, 1994; Кубрякова, 1997, 2004; Ломтев, 1972; Маслова, 2008; Рахилина, 2008; Стернин, 2008; Сулейманова, 2020; Clark, 1996; Fillmore, 1985; Langacker, 2013], г) когнитологии – монографии А. И. Фефилова [Фефилов, 2004, 2010] и работы последователей морфотемной школы [Блинова, 2008; Вахрушева, 1999; Игошина, 2004; Сибиряков, 2021; Чуркин, 2005; Шарафутдинова, 1999 и др.].

Эмпирическая база. Работа основывается на примерах, выявленных методом сплошной выборки в русскоязычных и англоязычных произведениях художественной литературы разных жанров (детектив, роман, рассказ, повесть) XX–XXI веков. В ходе исследования было проанализировано 1322 примера использования языковых единиц с ситуативной референцией, столько же текстовых фрагментов (602 в русском и 720 в английском корпусе текстов), выявленных в 16 источниках общим количеством словоупотреблений около 800 000 на 3000 страниц (2100 страниц в русскоязычном тексте и 900 страниц в англоязычном тексте).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категория ситуативности, и категория ситуативной субъектности в частности, носит универсальный характер и как любая понятийная категория имеет схожие механизмы структурирования действительности и отображения ее в языковом сознании.

2. Синтагмемизация концептемы ситуативности происходит при взаимодействии двух и более логико-семантических признаков, которые характеризуют актанты обозначаемой ситуации, причем в структуре синтагмемы обязательно наличие признака релециональности

(обозначающего действие, процесс, движение и проч.) в ядерной либо периферийной позиции. В зависимости от проминентного признака, находящегося в ядерной позиции, выделяются следующие типы ситуативных синтагмем: реляциональная (ср. *разговор, переезд, movement, work*), качественная (ср. *нежность, чудо, truth, pride*), локальная (ср. *школа, небеса, world, circus*), темпоральная (ср. *обед, weekend*), количественная (ср. *толпа, army*), дейктическая, или субстанциально-реляциональная (ср. *что-то, все, everything, that*).

3. Формантизация ситуативной синтагмемы происходит по методу субстантивизации, и, исходя из деривационного источника, в языке выделяют ремотивированные ситуативные субстантивемы (без выявленного источника) – ср. *проблема, scandal*, вербально-детерминированные, то есть образованные от глагольных основ, – ср. *улыбка*, в том числе конверсивным способом – ср. *try*, адъективно-детерминированные, образованные от имен прилагательных, – ср. *вялость, heat*, субстантно-детерминированные, образованные от имен существительных разной семантики, в том числе на основе семантической транспозиции – ср. *история, art*, а также дейктические, образованные от местоименных единиц с десемантизированными признаками.

4. Классификация инвариантной ситуативной морфотемы в русском и английском языках основана на проминентном признаке, актуализирующемся через канал базового категориально-семантического признака (КСП), причем в обоих языках в проминентную позицию выдвигаются синтагмемные компоненты процессуальности, реализации действия, движения с сопутствующими признаками. В исследовании выделяются реляциональные (акциональные, локутивные, ментальные, трансмотивные, экзистенциальные) морфотемы с дополнительными признаками, например, локутивно-качественные – ср. *крик, cry*, трансмотивно-локальные – ср. *отъезд, leaving*) качественно-реляциональные с дополнительными признаками (например, ментально-качественные – ср. *глупость, madness*, качественно-количественные – ср. *одиночество, loneliness*) и др.

Инвариантная ситуативная морфотема имеет в русском и английском языках одинаковую структуру и представлена в языке единицами, имеющими схожие деривационные источники и сигнификативный потенциал.

5. В речевой репрезентации наблюдаются случаи актуализации ситуативного значения в языковых единицах с предметным значением, что становится возможным благодаря потенциально заложенному реляциональному признаку в предметных (неситуативных) лингвемах. Продуцирование, а также интерпретация подобных речевых креативов возможны при определенной лингвистической подготовке и общем культурном апперцептивном опыте участников коммуникации.

6. Для актуализации ситуативности необходимо участие смежных локутем в высказывании; в случае с субъектом такую роль играет вербиальная лингема в предикатной позиции, которая либо нейтрализует ситуативный признак, либо актуализирует его.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. дано расширенное описание понятий «ситуация», «ситуативность», а также «субъектность» с позиций лингвистического анализа;
2. обосновано существование категории ситуативности в языковом сознании говорящих на русском и английском языках;

3. описаны с использованием методики морфотемного анализа процессы языковой объективации категории ситуативности в русском и английском языках с последующей типологизацией существующих в языке словоформ с ситуативным значением;

4. выявлены принципы и особенности использования в речи ситуативных языковых единиц в русском и английском языках в субъектной синтаксической позиции;

5. доказано использование предметных (неситуативных) имен с ситуативной референцией в речи в обоих языках, представлен концептуальный анализ изменений, происходящих в семантической основе таких имен при использовании их в речи с ситуативной референцией в субъектной синтаксической позиции;

6. продемонстрирована специфика вербального выражения концептемы ситуативности в русском и английском языках.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявленных механизмах обозначения в языке комплексных неоднопорядковых понятий (на примере категории ситуативности), имеющих нестойкую структуру и подверженных изменениям в речевом использовании, что дает основу для дальнейшего исследования семантики текстовых отрезков. Доказанная универсальность категории ситуативности как речемыслительной категории для двух языков позволит развить теорию и практику перевода языковых единиц комплексной семантики, приобретающих определенный ситуативный компонент в речевом акте.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в практике преподавания теоретических курсов: общего языкознания, когнитивной лингвистики, лингвистической семантики, стилистики. Разработанная автором классификация морфотемных типов объективированных в языке ситуативных синтагмем может быть применена в лексикографической практике. Выявленный языковой инструментарий позволит актуализировать лингвопрагматические и лингвокультурологические принципы интерпретации текста и дискурса как в русском, так и в английском языке, что в дальнейшем внесет определенный вклад в развитие цифровизации перевода.

В качестве базового метода исследования применен морфотемный анализ [Фефилов, 1997, 2004, 2010] для моделирования ситуативных морфотемных структур с помощью специального метаязыка, а также морфотемный сопоставительный анализ языковых и речевых единиц. В рамках исследования дополнительно использовались структурно-семантический и сравнительно-типологический методы, а также метод анализа словарных дефиниций.

Структура диссертации. Общий объем работы – 194 страницы основного текста и 67 страниц приложения. В структуру работы входят введение, три главы с выводами по каждой главе, заключение и список литературы из 178 источников. Приложения (1 и 2) содержат классификацию инвариантной морфотемы с иллюстративными речевыми примерами из русскоязычной и англоязычной литературы, а также иллюстративные примеры использования неситуативных языковых единиц с ситуативной референцией в русском и английском языках.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на международных и региональных профильных научно-практических конференциях: Международной научно-практической конференции VI Фирсовские чтения «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (РУДН, Москва, 19-21 октября 2023 года), XV международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (ВлГУ,

Владимир, 26-28 сентября 2023 г.), XIII международной научно-практической конференции «Перевод. Язык. Культура» (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, 20-21 мая 2022 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 9 публикациях, 6 из которых - в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Общий объем публикаций составляет 4,5 п.л.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обозначена актуальность выбранной темы, сформулированы объект и предмет исследования, его цель и задачи, описаны теоретико-методологическая основа и эмпирическая база, охарактеризованы методы исследования, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, представлены положения, выносимые на защиту, а также информация об апробации исследования на конференциях и в публикациях.

Первая глава «Методологические основы анализа грамматических и семантико-синтаксических аспектов речемыслительной категории субъектности» посвящена методологическим основам анализа семантико-синтаксических аспектов речемыслительной категории ситуативной субъектности.

В исследовании за фундаментальную основу принимается положение о том, что отображение действительности в языке происходит опосредованно через определённые речемыслительные категории, которые находят регулярное выражение в языке на различных уровнях. Подобные категории получали различные интерпретации со стороны лингвистов: об «универсальном компоненте языка» впервые заговорил В. фон Гумбольдт [Гумбольдт, 1984], догадки о «внутренней формальности языка» высказывались А. А. Потебней [Потебня, 1977], термин «понятийные категории» ввёл в научный обиход О. Есперсен [Есперсен, 1958], С. Д. Кацнельсон подчёркивал значимость «ментального предъязыкового субстрата» [Кацнельсон, 1965], который выступает в виде «скрытых категорий», А. В. Бондарко сформулировал теорию функционально-семантического поля [Бондарко, 1974], В. А. Звегинцев выдвинул положение о том, что «живые речемыслительные акты» составляют основу функционирования языка [Звегинцев, 1996]. В американской лингвистике исследование понятийных сфер находилось в фокусе внимания У. Л. Чейфа (концептуальная теория языка) [Chafe, 1970], Б. Уорфа (скрытые и явные категории) [Whorf, 1999], Н. Хомского (концепция глубинных структур) [Chomsky, 1988]. Согласно концепциям когнитивной лингвистики [Кубрякова, 2004; Стернин, 2008], сознание конструирует и репрезентирует действительность в соответствии со своей опытной, сформировавшейся системой мыслительных понятий. Таким образом, свойство речемыслительной категории отображать действительность в языке даёт возможность использовать её в межъязыковых сопоставительных исследованиях, что в представленной диссертационной работе продемонстрировано на примере речемыслительной категории ситуативной субъектности.

Анализируемая категория субъектности имеет объёмный и многосторонний характер. В психологических исследованиях идея субъектности человека выступает в виде свойства самодетерминации его бытия в мире, и к ее проявлениям относятся деятельность, общение, самосознание [Леонтьев, 1975; Лурия, 1979]. Принцип субъектности в социопсихологическом знании постулирует переход от пассивного отражения реальности к её конструированию мыслящим и говорящим субъектом. Этот подход связан с идеей о «ментальной репрезентации

мира субъектом», то есть с формированием индивидом представлений о внешнем мире путём конструирования субъективной картины мира в процессе адаптации [Выготский, 1999; Лотман, 2010]. Очевидно, что сознание конструирует и репрезентирует действительность в соответствии со своей опытной, вторичной «картиной мира», в согласии со сформировавшейся системой мыслительных понятий, то есть мы смотрим на мир через «ментальные очки».

В современных исследованиях по философии языка субъектность трактуется как волевая и интеллектуальная свобода субъекта в сфере реализации языка, которая свое первоначальное выражение находит в формировании субъектно-предикатной структуры предложения, а в дальнейшем «проявляется в различных аналитических и творческих операциях в рамках языка» [Мальчукова, 2009]. В современной лингвистике понятие «субъектность» интерпретируется динамично и характеризует языковые единицы, передающие все действия, исходящие от субъекта, в том числе те, что «замыкаются на самом субъекте», а не только и не столько те, которые выражают его индивидуальное восприятие действительности (как в случае с понятием «субъективность») [Радченко, 2012].

Понимание термина «субъект» в языкознании близко его трактовке в логике и философии, однако, в отличие от логико-философских интерпретаций, лингвистическая наука не только рассматривает содержание субъекта, но также устанавливает связь между содержанием и формой выражения данного содержания.

Субъект представляет собой сущностную, инвариантную единицу, в которой по-разному комбинируются как логико-грамматические, так и коммуникативные факторы, а формальная объективация строго не закреплена. Таким образом, мы признаем за субъектом лингвистический статус, что может быть обосновано наличием семантического инварианта, системы средств актуализации, спецификой парадигматики и синтагматики, что далее будет продемонстрировано в диссертационном исследовании на примере ситуативного субъекта как формы отображения речемыслительной категории ситуативной субъектности.

Описывая семантическую структуру предложения, исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой денотации ситуации и выявления типичных семантических конститuentов предложения.

В философской традиции ситуативную, или фактологическую концепцию мира выдвинул в 1921 году австрийский философ-неопозитивист Л. Витгенштейн, в рамках которой реальный мир рассматривается не как совокупность материальных вещей, а как совокупность фактов, имеющих внутреннюю структуру, при этом главной характеристикой предметов признается их способность входить в ситуации определенного рода: «...мы не можем мыслить никакого предмета вне возможностей его связей с другими предметами» [Витгенштейн, 1956].

Наличие определённых отношений между высказыванием и обозначаемой им экстралингвистической ситуацией, или событием, постулируется также в денотативной, или референтной концепции значения предложения, которая получила распространение среди лингвистов с середины 60-х годов XX века [Бондарко, 1974, 2002; Гак, 1971; Левицкий, 1979; Сусов, 1972, 1973].

Само понятие ситуации используется лингвистами в разных значениях. Во многих случаях ситуацией называют экстралингвистический референт предложения, отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании. Иногда ситуация рассматривается в двух аспектах, или на двух уровнях

абстракции – например, по определению И. П. Сусова, «как факт объективной действительности и как факт отражения и переработки этой действительности в сознании», когда каждая ситуация есть «ансамбль, иерархия взаимосвязанных элементов», причём тот или иной элемент ситуации принадлежит либо к множеству предметов, либо к множеству признаков [Сусов, 1973].

Наряду с ситуативными концепциями широкое распространение в лингвистике получили событийные интерпретации действительности. Развивая теорию «событийного фрейма», предложенную Ч. Филлмором [Филлмор, 1988], В. И. Заботкина анализирует процесс репрезентации событий через ментальные модели, которые, по ее мнению, не являются копиями реальных событий – они конструируются как результат индивидуального восприятия и опыта, общего социокультурного опыта и уже существующих моделей. Ментальные событийные модели динамичны по своей природе: они предполагают постоянную смену места, времени, участников, целей и вида деятельности. Рассматривая триаду «событие – ментальные модели – дискурс», В. И. Заботкина указывает, что ментальные модели отражают событие на первичном уровне репрезентации, в то время как дискурс репрезентирует событие посредством языка, то есть на вторичном уровне репрезентации [Заботкина, 2016].

Ситуация и событие не идентичны по структуре и объему концепта. Так, в концепции Н. Д. Арутюновой события представлены как происходящие не в пространстве «безграничного мира», а в его более узкой сфере – сфере жизни личности, семьи, группы людей, коллектива, общества, нации, государства. «Событие – со-бытие – наполняет собой бытие людей» [Арутюнова, 1983].

Понятие ситуации шире по семантическому охвату, оно включает наряду с событием представления о факте, явлении, состоянии, свойстве, действии, процессе и других непредметных и предметных актантах ситуации. Ситуация, в отличие от события, конкретно не объективируется в языке, а может быть представлена в речи любой единицей.

Таким образом, современные лингвисты определяют понятие ситуации трехмерно: относят ситуацию не только к миру как фрагменту действительности, но и к языковой семантике в виде смысловой структуры предложения, а также и к мышлению как фрагменту действительности, вырезанному и обработанному мыслью. В данной работе ситуация понимается как комбинация взаимосвязанных элементов различной составной сложности, каждый из которых может актуализировать предметное либо признаковое значение в зависимости от акта репрезентации. При этом описание семантической структуры предложения, выражающего некую мысль и описывающего отражаемую в данной мысли ситуацию, предполагает тем самым проникновение в логическую структуру мысли и логическую структуру ситуации.

«Мыслительный образ типовой ситуации» [Кубрякова, 2004] определяется в современной когнитивистике как концепт, который есть не что иное, как пропозиция, репрезентирующаяся в речи в первую очередь синтаксическими средствами языка, а именно в предложении. В отдельных случаях в свернутом виде пропозиция может передаваться отдельными лексемами – как имеющими ситуативный семантический компонент, так и не имеющими такового, но актуализирующими его в акте говорения. Иными словами, пропозитивное значение реализуется в процессе конкретной речевой деятельности с референцией на конкретные атрибуты ситуации действительности.

Лексемы с пропозитивным, или – по нашей терминологии – ситуативным значением составляют определенную группу в языке и часто используются в предложении в позиции субъекта, обеспечивая тем самым анафоричность речи [Арутюнова, 1979]. В процессе предварительного анализа была выдвинута гипотеза о том, что среди наиболее частотных в субъектной позиции с ситуативной референцией будут использоваться лексемы с семантическим элементом процессуальности (ср. *движение, рассказ, cry, trip*), а также конкретная лексика, актуализирующая тот или иной компонент в своей семантике и обеспечивающая коммуникативное понимание благодаря общей апперцептивной базе участников речевого акта. Выявить группу таких «пропозитивных» языковых единиц и описать структуру их семантики является задачей диссертационного исследования.

Особенности передачи дополнительных смыслов ситуативной референтности в семантически осложненных ситуативных и неситуативных языковых единицах не представляется возможным изучить, применив существующие аналитические методики.

За историю развития лингвистической науки был предложен ряд метаязыков для описания языка и сознания. Большинство существующих исследований речемыслительных категорий построено на основе преимущественно либо формальных, либо семантических критериев: поверхностно-частеречный подход [Адмони, 2004; Ахманова, 2003; Потетбня, 1977; Ярцева, 1981], функционально-семантический [Арутюнова, 1979; Богданов, 1977; Гак, 1971; Падучева, 1974; Степанов, 1979; Сусов, 1973; Chafe, 1970; Fillmore, 1985], понятийно-категориальный [Кацнельсон, 1974; Мещанинов, 1978], синтаксемный [Золотова, 1988, 2001].

В указанных концепциях зачастую не учитывалась связь формы языковой единицы с ее содержанием, а также взаимосвязь способов и уровней объективации в языке того или иного понятия. Уровневые подходы нельзя назвать удовлетворительными в связи с тем, что одноуровневый анализ нацелен на строго иерархически организованные единицы языка, без учета их взаимодействия.

По мнению А. И. Фефилова, с некоторыми ограничениями в анализе языка может применяться традиционное толкование языкового знака как трехмерного семиозиса [Моррис, 1983], состоящего из семантического уровня (отношение знака как означающего к означаемому, или десигнату – классу объектов), синтаксического (отношение знаков между собой) и прагматического (отношение знака к интерпретатору). Отношение знака к референту опосредовано сознанием: обозначаемым объектом является не предмет действительности, а его мыслительный образ. Отношения языковых знаков между собой не чисто синтаксичны, а также и семантически. И наконец, прагматический аспект не следует сводить лишь к интерпретации, но также и к отношению говорящего и использующего знак. В связи с этим А. И. Фефилов полагает, что «семантика знака не мыслима вне знаковой формы» [Фефилов, 2010].

Традиционное понимание языка в качестве системы языковых и речевых средств и речи как реализации языковой потенции в соответствии с определенными коммуникативными задачами не отражает в полной мере динамику соотношения «язык – речь». Слово на уровне речи не равно своему эквиваленту в системе языка, то есть слову, зафиксированному в словаре, и тому содержанию, которое с ним обычно связывается стереотипно или конвенционально. В речевом контексте мы имеем дело с формированием семантико-концептуальных комплексов, являющихся результатом взаимодействия обозначаемого мыслительного содержания с собственной семантикой языковых единиц.

Преобладание аналитических, а не синтетических подходов в лингвистике приводит к междисциплинарным и межуровневым барьерам на пути описания языковых единиц как комплексных языковых и речевых знаков: «...расчлняя целое на части, мы часто упускаем специфику целого» [Болдырев, 2016]. На недостатки аналитического подхода указывал ещё В. фон Гумбольдт: «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [Гумбольдт, 1984].

Таким образом, вышеуказанные проблемы получают решение в случае методологического подхода, при котором языковые единицы измеряются с помощью формально-семантической операционной единицы, которая может быть принята за эталон комплексного межуровневого исследования. В качестве таковой в исследовании выбрана *морфотема* как операционная единица морфотемного анализа языковых и речевых единиц, разработанного А. И. Фефиловым [Фефилов, 1997, 2004].

Во второй главе «Языковая объективация концептемы ситуативности» рассматриваются процессы языковой объективации с детализацией этапов семантизации концептемы и формантизации синтагмемы категории ситуативности, а также представлен анализ морфотемной структуры языковых единиц с ситуативной референцией.

Вслед за А. И. Фефиловым мы рассматриваем языковую единицу как конфигурацию объективированных мыслительных понятий, а именно акустемизированную (имеющую закреплённую звуковую оболочку) совокупность семантических признаков, организованных в синтагмообразную структуру или свернутую пропозициональную цепочку – синтагмему.

Структурные позиции определяют характер взаимосвязи, взаимоотношения признаков, которые распределяются линейно по организационному приоритету или позиционной зависимости. Ср.:

событие – *event* – «произошло + что-то + значительное + где-то + когда-то».

Структурные позиции заполняются логико-семантическими признаками, указывая на принадлежность понятий к тем или иным мыслительным категориям, среди которых выделяются: **квалитативность** (качество, признак, свойство) – **КВАЛ**, **квантитативность** (количество, множество, совокупность) – **КВАН**, **локальность** (пространство) – **ЛОК**, **реляциональность** (процесс, действие, отношение, связь) – **РЕЛ**, **субстанциальность** (предметность) – **СУБ**, **темпоральность** (время, длительность, временной отрезок, временная точка) – **ТЕМП**.

Указанные логико-семантические признаки могут обнаруживать модификационные и функциональные разновидности, некоторые проявления которых представляют интерес в рамках работы, а именно:

– **реляциональность** (РЕЛ) и релятемы: **акциональность** – действие, воздействие, процесс – РЕЛ_Акц, ср. *работа, work*; **локутивность** – говорение, речевое действие, процесс – РЕЛ_Локут, ср. *вопрос, question*; **ментальность** – умственная деятельность – РЕЛ_Мент, ср. *мысль, thought*; **трансмотивность** – движение, перемещение – РЕЛ_Транс, ср. *поездка, trip*; **экзистенциальность** – отношение существования, явления, проявления – РЕЛ_Экз, ср. *состояние, condition*;

– **субстанциальность** (СУБ) и функтемы: **инклюзив** – предмет, включающий в свое внутреннее пространство другой предмет – СУБ_Инкл, ср. *бутылка, bottle*; **инструментатив** – предмет, с помощью которого совершается действие – СУБ_Инстр, ср. *стрела, arrow*; **меротив** – часть, частичный (меротивный) предмет – СУБ_Мер, ср. *рука, hand*; **объект** –

неодушевленный предмет, подверженный воздействию – СУБ_Обь, ср. *воздух, air*; **субъект** – одушевленный предмет – СУБ_Субь, ср. *ребенок, child*; **утитив** – предмет, предназначенный для чего-либо – СУБ_Утит, ср. *стул, chair*; **фабрикатив** – предмет-материал, из которого создается другой предмет – СУБ_Фабр, ср. *стекло, glass*; **фактитив** – созданный в результате какой-либо деятельности предмет – СУБ_Факт, ср. *письмо, letter*; **форматив** – формативный, габаритный предмет, представляющий конфигурацию, внешнюю структуру – СУБ_Форм, ср. *фигура, figure*; и др.

Концептема ситуативности имеет синкретичный характер, то есть на этапе семантизации проявляется при взаимодействии двух и более категорий – ядерной и вспомогательной, а также периферийных (латентных, скрытых), не проявляющих себя в составе лингвемы и обнаруживающих референциальный потенциал лишь в речевой репрезентации (Рисунок 1). В составе ситуативной синтагмемы обнаруживается категория реляциональности (либо ее разновидности), и в зависимости от того, какая категория выступает детерминирующей, выделяют реляциональную (ср. *поступок, ride*), квалитативную (ср. *холод, brightness*), дейктическую, или субстанциально-реляциональную (ср. *это, that*), темпоральную (ср. *вечеринка, weekend*), локальную (ср. *мир, circus*), квантитативную (ср. *промышленность, loneliness*) ситуативную синтагмему, причем как в русском, так и в английском языке на уровне речевой репрезентации преобладают реляциональные типы.

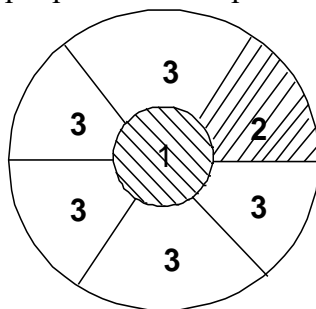

Рисунок 1 – Структура ситуативной синтагмемы на примере лингвемы *огонь, fire*
РЕЛ_Акц+КВАЛ, где:

- 1 – ядерная категория-детерминанта (РЕЛ_Акц),
- 2 – вспомогательная категория (КВАЛ),
- 3 – периферийные категории (КВАН, ЛОК, РЕЛ, ТЕМП, СУБ, и др.)

В случае совпадения категории-детерминанты и вспомогательной категории говорим о базовом (чистом) типе ситуативных синтагмем, например: акциональная синтагмема (РЕЛ_Акц – базовый тип) – ср. *выполнение, дело, работа, act, matter, work*; локутивная синтагмема (РЕЛ_Локут – базовый тип) – ср. *слово, вопрос, ответ, word, question, remark, talk*; ментальная синтагмема (РЕЛ_Мент – базовый тип) – ср. *вера, мечта, мысль, решение, knowledge, mind, thought*; трансмотивная синтагмема (РЕЛ_Транс – базовый тип) – ср. *движение, отъезд, поворот, movement, trip*; экзистенциальная синтагмема (РЕЛ_Экз – базовый тип) – ср. *состояние, condition* и др.

Если в положении детерминанты и вспомогательной категории находятся разные категории, говорим о ситуативных синтагмемах смешанного типа, среди которых, к примеру: акционально-квантитативная синтагмема (РЕЛ_Акц+КВАН) – ср. *собрание, assembly, isolation*; локутивно-квалитативная синтагмема (РЕЛ_Локут+КВАЛ) – *голос, бред, tale*; трансмотивно-субстанциальная синтагмема, например, с функтемой меротивности (РЕЛ_Акц+СУБ_Мер) – ср. *шаг, footsteps*; квалитативно-реляциональная синтагмема

(КВАЛ+РЕЛ) – ср. *быстрота, вкус, нежность, сила, темнота, тишина, force, light, power, quality*; квалитативно-субстанциальная синтагма, например, с функтемами объектности (КВАЛ+РЕЛ+СУБ_Обь), ср. *воздушность, зеркальность*; и др.

На уровне частеречной формантизации синтагма ситуативности подвергается субстантивизации, а именно «облачается в форму существительного» [Фефилов, 2008], образуя **ситуативную субстантивему (СУБСТ)**. Эксплицированная ситуативная синтагма обнаруживается в следующих группах языковых единиц, выявленных в рамках настоящего диссертационного исследования:

1) в именах существительных комплексной семантики с синтагмными компонентами событийности, процессуальности, явления, действия и проч. – ср. *история, катастрофа, музыка, огонь, сенсация, ситуация, судьба, трюк, факт* – в русском языке; *crisis, fire, noise, occasion, scandal, wonder* – в английском языке. В подобных именах понятие ситуативности приобретает закрепленную форму и адекватно распознается участниками коммуникации. В диссертационном исследовании такие лингвемы названы **ремотивированными ситуативными субстантивами**, облаченными в форму существительного и утратившими явные мотивационные связи с базовым именем;

2) в субстантивированных лингвемах, причем как в отглагольных, или – по нашей классификации – **вербиально-детерминированных ситуативных субстантивах** – ср. *взрыв, вопрос, воспоминание, движение, дело, жизнь, звук, крик, мысль, случай, открытие, посещение, разговор, удар, шаг, шум, arrangement, declaration, impression, pressure, request, suggestion, testimony*, так и в образованных от имен прилагательных, или иначе – **адъективно-детерминированных ситуативных субстантивах** – ср. *благоразумие, быстрота, воздушность, нежность, неловкость, однообразность, сила, теплота, anger, fullness, hunger, madness, pride, vitality, width* и др. В английском языке среди ситуативных лингвем довольно обширную группу составляют лингвемы-конверсивы, субстантивированные лингвемы, образованные от глагольных основ безаффиксальным способом – ср. *blame, cry, cough, grin, love, murmur, need, row, smile, sob, storm, trouble, war* и др.

Встречаются также лингвемы, образованные от существительных темпоральной, локальной, предметной (или субстанциальной) и множественной семантики, имплицитно объективирующие в некоторых случаях концептему ситуативности – ср. *наука, ад, история, point of view, art, army, industry* и др., которые в нашей терминологии называем **субстантно-детерминированными ситуативными субстантивами**;

3) в указательных и неопределенных местоимениях – **дейктических ситуативных субстантивах** – ср. *это, все это, что-то, что-нибудь* – в русском языке; *it, that, this, something* и др. – в английском языке;

4) в причастиях (единичные случаи) – ср. *происходящее*; в инфинитивах (в английском языке), что также можно отнести к вербиальным субстантивам.

В процессе формирования инвариантной морфотемы ситуативного типа ядерные и вспомогательные синтагмные признаки объективируются на уровне номинационно-семантического (НСП) и/или категориально-семантического (КСП) признаков, причем именно категориально-семантический признак определяет ситуативный статус слова, являясь каналом субстантивизации синтагмемы и формирования ситуативной субстантивемы.

Проиллюстрируем процессы объективации синтагмных признаков в языковой морфотеме ситуативного типа на примере самых часто объективируемых признаков – реляциональности (и релятора акциональности) и квалитативности.

Ситуативная синтагма реляционального типа объективирует ядерный реляциональный признак (с возможной объективацией релятора в речи) на уровне базового категориально-семантического признака КСП_(СУБСТ)_РЕЛ, указывая на концепту «действие, процесс, состояние и прочие активности», объективируя вспомогательные признаки (при наличии), проявляясь, по сути, в этимологизированных наименованиях и ремотивированных субстантивах, ср. *проблема* – «сложная задача, ситуация, требующая решения», *affair* (дело, инцидент) – «an event or sequence of events of a specified kind or that has previously been referred to»:

РЕЛ+КВАЛ

Проблема, affair – КСП_(СУБСТ)_РЕЛ+КВАЛ

Ситуативная синтагма акционального типа объективирует акциональные признаки на уровне номинационно-семантического признака НСП_РЕЛ_Акц – ср. *делать*, и на уровне категориально-семантического признака КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц с помощью словообразовательных формантов, объективирующих значение реализации действия, ср. *дело* – «работа, занятие, деятельность», *work* (работа) – «activity involving mental or physical effort done in order to achieve a result»:

РЕЛ_Акц

Дело, work – НСП_РЕЛ_Акц-КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц

Ситуативная синтагма акционально-квалитативного типа объективирует признак реализации действия (акциональность) с качественным компонентом (квалитативность), к примеру, следующим способом: на уровне категориально-семантического признака КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+КВАЛ, объективируя признак процессуальности и квалитативности, и на уровне номинационно-семантического признака НСП_РЕЛ_Акц+КВАЛ с помощью словообразовательных формантов, объективирующих значение реализации действия по сообщению качества предмету, ср. *легкий* – *облегчать*, *sure* – *assure*, а также с помощью словообразовательных формантов, объективирующих значение процессуальности, ср. *облегчать* – *облегчение*, *assure* – *assurance*, ср. *облегчение* – «чувство легкости, освобождения от тревоги, беспокойства», *assurance* (уверенность) – «a positive declaration intended to give confidence; a promise»:

РЕЛ_Акц+КВАЛ

Облегчение, assurance – КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Акц+КВАЛ

Остальные (не указанные в рассмотренных примерах) признаки объективируются в ситуативной морфотема на основе подобных моделей, дополнительно задействуя в некоторых лингвемах ассоциативно-семантический (АСП) и детерминативно-семантический (ДСП) каналы. Ср.:

Попытка – КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц-НСП_РЕЛ_Акц-АСП_КВАН «однократное действие»,

Footstep (шаг, поступь) – КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Транс+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Транс «step» – ДСП_СУБ_Мер «foot».

Инвариантная ситуативная морфотема структурно представлена в зависимости от формантного (деривационные модели) и содержательного (структура синтагмемы)

компонентов, применима как единица анализа к обоим языкам и выявлена в структуре всех ситуативных лингвем. В обоих языках категория ситуативности объективируется на уровне категориально-семантического признака, где синтагмные компоненты процессуальности, реализации действия, движения с сопутствующими признаками, составляющими ядро синтагмемы ситуативности, выдвигаются в приоритетную позицию. Инвариантная ситуативная морфотема имеет в русском и английском языках одинаковую структуру и представлена в языке единицами, имеющими схожие деривационные источники и сигнификационный потенциал, что позволяет сделать вывод об универсальном характере категории ситуативности, актуализируемой языковыми единицами, помещенными в процессе высказывания в субъектную позицию.

По результатам исследования категории ситуативности в аспекте объективации разработана морфотемная классификация языковых единиц, содержащих в своей семантике (по нашей терминологии – синтагмеме) ситуативные признаки, а именно обязательное наличие логико-семантического признака реляциональности и его внутрикатегориальных разновидностей (акциональности, локутивности, трансмотивности и проч.) в ядерной либо вспомогательной позиции в структуре синтагмемы, с возможной поддержкой других признаков. При этом чем больше признаков объективировано в составе ситуативной синтагмемы, тем больше возможностей у лингвемы быть использованной в речи с референцией на разнообразные типы ситуаций.

На основании проведенного анализа особенностей сочетаний логико-семантических признаков в структуре ситуативной синтагмемы в русском и английском языках мы приходим к следующим выводам.

– Категория акциональности является одной из самых частотных объективируемых категорий в структуре синтагмемы и обнаруживается одинаково часто в обоих языках – в 56-57% случаев, что обосновано универсальностью признака действия, процесса, являющегося ядром ситуативной синтагмемы (ср. *труд, дыхание, glance, love*).

– Еще более часто (в 62% случаев в русском языке и в 68% – в английском) обнаруживается в составе ситуативной синтагмемы категория качественности, которая объективируется как вспомогательная в составе вербально-детерминированных субстантивем (КСП_(СУБСТ)_РЕЛ+КВАЛ) и как ядерная в составе адъективно-детерминированных (КСП_(СУБСТ)_КВАЛ+РЕЛ). Такая частотность присутствия категории качественности в используемых ситуативных лингвемах объясняется естественной референцией на эмоции, переживания, субъективные оценки качественных проявлений действий, процессов и состояний, характеризующей употребление ситуативных субстантивем. Важно отметить, что превышение 100%-ного порога частотности обусловлено двойным подсчетом категорий на уровне КСП.

– В английской ситуативной синтагмеме, использующейся в предложении в субъектной позиции, чаще, чем в русской (15% и 11% соответственно), обнаруживается категория локутивности, обозначающая речевое действие и процесс (ср. *apology, declaration, сообщение, упоминание*), а в русской – чаще, чем в английской (9% и 5% соответственно), используется категория ментальности, обозначающая умственное действие и процесс (ср. *мысль, решение, thought, knowledge*). Отмеченная разница в объективации логико-мыслительных категорий в языковых единицах может указывать на специфику культурного восприятия действительности и особенности принятия решений: к примеру, русскоязычным спикерам более свойственна рефлексия, а англоязычным – вербальное выражение эмоций.

– В русской ситуативной синтагме в два раза чаще, чем в английской, наблюдается смена релятора на уровне номинационно-семантического и категориально-семантического признаков (ср. *недоразумение* – смена ментального релятора в слове «разум» НСП_РЕЛ_Мент на акциональный – то есть с референцией на процесс или действие – в ситуативной субстантивеме «недоразумение» КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Мент, что может свидетельствовать о несколько большей склонности к метафоричности и ассоциативности русского словопроизводства, чем английского.

В ходе анализа использованных в художественной литературе ситуативных субстантивем в субъектной позиции были сделаны следующие выводы о продуктивных деривационных моделях в русском и английском языках.

– Как в русском, так и в английском языке были обнаружены субстантивемы, образованные по всем существующим моделям, причём частотность использования моделей одинакова в обоих языках: разница в процентном соотношении варьируется в пределах 1%.

– Наиболее продуктивной оказалась отвербиальная модель, а именно: среди всех ситуативных субстантивем 63% в русском и 62% в английском языке являются вербиально-детерминированными (ср. *гром, смех, шум, hate, smoke, thought*), что объяснимо наличием в производящей синтагме лексико-семантического признака реляциональности и его реляторов – акциональности, локутивности и т.д., причём в английском языке более частотной, по сравнению с аффиксальной, является конверсивная модель (ср. *cough, remark*), а среди аффиксальных – причастная модель (ср. *meeting, reading*).

– Довольно частотной является отадективная модель, по которой образовано 20% ситуативных субстантивем, обозначающих ситуацию проявления качества с обязательным наличием актанта действия, процесса, движения, состояния (ср. *нежность, тайна, dishonesty, responsiveness*) и объективирующих признаки качественности и реляциональности (с возможным релятором).

– Субстантивемы, формантно представляющие собой абстрактные имена с объективированной ситуативной референцией, но не имеющие однозначного мотивационного источника (которые в своей работе мы назвали ремотивированными ситуативными субстантивемами), также представляют довольно объёмную группу и совокупно составляют 12% от общего корпуса выявленных ситуативных субстантивем (ср. *катастрофа, огонь, сенсация, факт, idea, taboo, scandal, subject*).

– Дейктические (образованные от неопределённых местоимений) ситуативные субстантивемы составляют малочисленную группу – 2% и 3% в русском и английском языках соответственно. Однако частотность их использования в речи достаточно велика, причём в английском языке она гораздо выше, чем в русском – 16% и 6% соответственно от общего количества словоупотреблений с ситуативной референцией, что обусловлено широким использованием в предложении анафорического местоимения *it* с референцией на упомянутую в предтексте ситуацию. В целом, популярность дейктических единиц для наименования ситуаций объясняется их десемантизированной природой и, как следствие, способностью указывать на ситуации с участием неопределённого количества актантов, в связи с чем ситуативный потенциал как ситуативных дейктических субстантивем (ср. *что-то, это, it, that, something*), так и неситуативных (ср. *он, она, he, she*) подробно изучен в Главе 3 диссертационной работы.

– Наличие в языке субстантно-детерминированных ситуативных субстантивем иллюстрирует полизначность некоторых собирательных имен как в русском, так и в

английском языке (ср. *сюрприз* – «неожиданный подарок, событие», *art* (искусство) – «the expression of human creative skill and imagination, typically in a visual form such as painting or sculpture, producing works to be appreciated primarily for their beauty or emotional power»), что относится в равной степени к прецедентным именам, объективирующим в языковой единице признаки уже случившейся ситуации (ср. *Holocaust* – имя собственное, обозначающее специфичную ситуацию, знакомую носителям языка или языков с одинаковой апперцептивной базой), а также метафоричность человеческого сознания, мысли, что последовательно выражается в речетворчестве (ср. *a hammer* (молоток) – *to hammer* (отбивать молотком) – *hammering* (отбивание молотком)).

В третьей главе «Речемыслительная категория ситуативной субъектности в репрезентативном аспекте» представлен анализ механизмов репрезентации категории ситуативности посредством двух типов лингвем в субъектной синтаксической позиции – ситуативных субстантивем, объективирующих в языке ситуативный компонент, и неситуативных лингвем, которые в процессе речевой репрезентации формируют ситуативную референцию. Также раскрыта специфика актуализации категории ситуативности в русском и английском языках.

Элементы языковой системы, вступая друг с другом в отношения предцирования, становятся единицами речи, то есть лингвема как языковой знак получает статус речевого знака, или локутемы, при наличии соотношения с обозначаемыми взаимосвязанными мыслительными понятиями, которые представляют собой концептему. Именно единство синтагмемы и концептемы обуславливает переход лингвемы в локутему. Причем локутема уже не повторяет лингвему, так как представляет собой иное языковое качество и мыслительное содержание, и концептема также не полностью охватывается локутемой.

Незадействованная часть лингвемы и неохваченная часть концептемы играют определенную роль в восприятии реципиентом воображаемого или действительного мира. Согласно исследованиям А. И. Фефилова, незадействованная часть лингвемы выполняет мотивационную функцию, образуя своеобразный фон или специфическую перспективу восприятия локутемы. Обозначаемая концептема, синтезированная с синтагмемной частью лингвемы, представляет собой основной, глубинный уровень понимания. Неохваченная часть концептемы образует мощный ассоциативный фон, благодаря которому реципиент воссоздает свою ситуацию действительности, в большей или меньшей степени соотносимую со сложной концептемой.

В структуре предложения-высказывания субъект, по мнению Н. Д. Арутюновой, представляет собой ретроспективный, анафорический элемент, появлению которого в тексте предшествует определенная информационная подготовка, благодаря которой и раскрывается референциальный потенциал субъектного имени [Арутюнова, 1979]. Как выяснилось в ходе исследования, язык располагает определенным набором ситуативных лингвем для поддержания анафорических и катафорических отношений в тексте, а также для передачи сжатой информации. Однако конкретные имена, не содержащие пропозициональной цепочки признаков в своей структуре, также употребляются в речи для означивания ситуации. Семантическая достаточность конкретной лексики в пропозициональной функции обусловлена общностью апперцептивной базы участников речевого акта и в большей степени – структурой неситуативной синтагмемы, позволяющей актуализировать периферийные, неэксплицированные логико-семантические признаки.

В результате взаимодействия языковой ситуативной синтагемы с другими неоднородными концептами в акте репрезентации ситуативная и неситуативная синтагемы подвергаются одинаковым процессам, за исключением того, что при использовании неситуативной лингвемы в речи невозможна актуализация стереотипной синтагемы в связи с необъективированным инициально ситуативным признаком в языке.

В рамках исследования были выявлены следующие особенности синтагменно-концептного взаимодействия при актуализации ситуативного значения лингвем в русском и английском языках:

1. Актуализация стереотипной синтагемы, при которой репрезентируемая концепта согласуется с объективированной синтагемой, происходит в процессе тривиального использования языковой единицы. Стереотипная ситуативная синтагема в этом случае образуется по принципу **контенсиональной тавтологии** ($A \rightarrow A$), обеспечивая тривиальный переход от языковой объективации к речевой репрезентации и сохраняя при этом их объем семантико-концептуального соотношения.

Ср. «*Жестокость взгляда и очень плохое французское произношение усиливали мою антипатию к нему*» [Куприн, 1981]), где вербально-детерминированная локутивно-квалитативная ситуативная субстантивема «*произношение*» с морфотемной формулой КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Локут+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Локут и объективированным контенсионалом «манера, характер произнесения» полностью повторяет контенсиональный объем синтагемы в речевой репрезентации – в контексте имеется в виду то, как собеседник произносил фразы по-французски → РЕЛ_Локут+КВАЛ.

Ср. «*But every parting means a meeting elsewhere*» [Lawrence, 2009] / Любое расставание подразумевает встречу, где вербально-детерминированная акционально-локальная ситуативная субстантивема «*parting*» с морфотемной формулой КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+ЛОК-НСП_РЕЛ_Акц и контенсионалом «the action of leaving or being separated from someone» в речевой репрезентации актуализирует неизменную ситуативную синтагему с полным дублированием объективированного контенсионала «процесс отделения или существование вдали от кого-то» → РЕЛ_Акц+ЛОК.

2а. В процессе формирования нестереотипной синтагемы семантико-концептуальное соотношение может изменяться в сторону **контенсиональной асимметрии** ($A \rightarrow A+1$), когда репрезентируемое понятие шире уже объективированного, либо более конкретизировано, что можно наблюдать в следующих примерах:

Ср. «*Озноб снова разлился по всему телу*» [Набоков, 1990], где вербально-детерминированная акционально-квалитативная ситуативная субстантивема «*озноб*» с морфотемной формулой КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Акц конкретизирует объективированный контенсионал «болезненное ощущение холода, сопровождаемое дрожью» контекстной информацией о том, что «знобило из-за болезни».

Ср. «*His hold on life was marvelous*» [Lawrence, 2009] / То, как он держался за жизнь, было удивительным, где вербально-детерминированная акционально-субстанциальная субстантивема «*hold*» КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+СУБ_Объ-НСП_РЕЛ_Акц+СУБ_Объ расширяет объективированный контенсионал «an act or manner of grasping something; a grip» до контекстной пропозиемы «хватался за жизнь», указывая на то, как сильно герой любил жизнь, несмотря на свое увечье → ДСП_РЕЛ_Акц.

Ср. «*Там, в ящике, лежало орудие их счастья*» [Набоков, 1990], где лингвема «орудие» КСП_СУБ_Инстр «приспособление, инструмент, которым пользуются при какой-либо

работе» сужает контенционал в данном контексте, обозначая «револьвер как орудие убийства» → АСП_РЕЛ_Акц.

Ср. «*He didn't die, and the bits seemed to grow together again*» [Lawrence, 2009] / *Он не умер, и весь его организм стал восстанавливаться*, где лингвема «bits» (кусочек) КСП_СУБ_Мер-АСП_КВАЛ «a small piece, part, or quantity of something» конкретизирует контенционал до значения «после ранения он восстановился» → АСП_СУБ_Субь.

26. Нестереотипная синтагма формируется также в ситуациях, когда языковая семантика и репрезентируемое понятие не совпадают, семантико-концептуальное единство образуется благодаря уподоблению основного значения языкового знака выражаемому понятию по принципу **контенционального тождества (А → Б)**. Созданная нестереотипная ситуативная синтагма не является нормой языка и в языке не объективируется, являясь временным, ситуативным результатом речепродуцирования.

В структуре ситуативной синтагмы по принципу контенционального тождества происходит **смена релятора** (внутри базовой категории реляциональности), например:

Реляциональность → Трансмотивность

Ср. «*The affair might still blow over*» [Lawrence, 2009] / *Интрижка все же могла остаться незамеченной*, в контексте – побег с любовником, где акциональная лингвема «*affair*» (дело, инцидент, проблема) – «an event or sequence of events of a specified kind or that has previously been referred to» КСП_(СУБСТ)_РЕЛ – уточняет релятор и актуализирует признак трансмотивности → АСП_РЕЛ_Транс.

Акциональность → Локутивность

Ср. «*Almost any exhibition of complete self-sufficiency draws a stunned tribute from me*» [Fitzgerald, 2010] / *Почти каждое проявление самодостаточности вызывает во мне должное уважение*, в контексте под проявлением самодостаточности подразумеваются высокомерные высказывания, где акционально-локальная лингвема «*exhibition*» (выставка) – КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+ЛОК-НСП_РЕЛ_Акц+ЛОК «a public display of works of art or items of interest» – теряет в синтагме вспомогательный признак локальности и актуализирует новый периферийный признак локутивности вместо акциональности → АСП_РЕЛ_Локут

Локутивность → Акциональность

Ср. «*Эта тишина бесила*» [Шукшин, 2006], в контексте – тишина от того, что все спали, где квалитативно-локутивная лингвема «*тишина*» КСП_(СУБСТ)_КВАЛ+РЕЛ_Локут-НСП_КВАЛ актуализирует в ситуативной синтагме периферийный признак акциональности → АСП_РЕЛ_Акц.

Локутивность → Субстанциальность

Ср. «*Бред остался в полутёмной комнате*» [Набоков, 1990], в контексте – женщина бредила, где локутивно-квалитативная субстантивема «*бред*» актуализирует субстанциально-субъектный признак → АСП_СУБ_Субь.

В структуре неситуативной синтагмы происходит смещение контенционального поля в связи с **изменением функтемы** ядерной субстанциальной категории при поддержке вспомогательной категории реляциональности:

Меротивность → Субъектность

Ср. «*Рука сама потянулась к итуке, похожей на старомодный выключатель*» [Донцова, 2003], в контексте – человек потянулся, где меротивная синтагма «*рука*» формирует субъектную синтагму → АСП_СУБ_Субь.

Утитивность → Субъектность

Ср. «*The mask compelled them*» [Golding, 2002] / Маска их подчинила, в контексте – мальчик с раскрашенным лицом подчинил их, где лингвема «*mask*» (маска) с ядерным признаком утитивности актуализирует в ситуативной синтагмеме признак субъектности, обозначая человека, использующего этот предмет, → АСП_СУБ_Субь.

2в. Формирование нестереотипной синтагмемы по модели **контенционального тождества (А → Б)** может подразумевать более кардинальные изменения в структуре синтагмемы, когда происходит замена одних актуализированных логико-семантических категорий в ядерных либо вспомогательных позициях другими, – иными словами, в синтагмеме происходит **смена категоризации**, позволяющая без использования дополнительных языковых единиц создавать новые смыслы и характеризующая самый яркий, креативный процесс речепродуцирования.

Трансмотивность → Локальность

Ср. «*Её ранние прогулки не смущали отца*» [Грин, 1986], в контексте – прогулки по лесу, где трансмотивно-квалитативная лингвема «*прогулка*» КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Транс+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Транс актуализирует признак локальности с конкретизацией контенционала → АСП_ЛОК.

Акциональность → Квантитативность

Ср. «*The storm of weeping swelled and shook her*» [Lawrence, 2009] / Из-за сильного плача она вся распухла и тряслась, в контексте – она сильно разрыдалась, где акционально-квалитативная лингвема «*storm*» КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Акц+КВАЛ актуализирует признак интенсивности действия (квантитативности) → АСП_КВАН.

Фабрикативность → Квалитативность

Ср. «*A silver of moon rose over the horizon*» [Golding, 2002] / Над горизонтом поднялась луна, отливающая серебром, где фабрикативная лингвема «*silver*» (луна) актуализирует в ситуативной синтагмеме признак качества – луна серебристого цвета → АСП_КВАЛ.

Фактитивность → Квантитативность

Ср. «*Фонтан сведений иссяк*» [Донцова, 2003], где фактитивная лингвема «*фонтан*» используется в речевом акте метафорически с ситуативной референцией на большое количество сведений, то есть актуализирует категорию квантитативности → АСП_КВАН.

В представленных выше примерах дополнительные либо проминентные логико-семантические признаки актуализировались в составе ситуативной синтагмемы по каналу ассоциативно-семантического признака (АСП), акцентируя необходимые актанты ситуации: временной признак, признак места действия, качественные либо процессуальные признаки.

Довольно часто понимание ситуативных субстантивем в субъектной позиции требует референции глубоко в предтекст, а сама ситуативная синтагма разворачивается в сложную пропозицию:

Ср. «*The war had brought the roof down over her head*» [Lawrence, 2009] / Война обрушила крышу на ее голову, в контексте уточняется, что женщина на войне потеряла мужа, соответственно акционально-квалитативная лингвема «*war*» КСП_(СУБСТ)_РЕЛ_Акц+КВАЛ-НСП_РЕЛ_Акц с объективированным контенционалом «*a state of armed conflict*» разворачивается в пропозицию с формулой → АСП_СУБ_Субь+РЕЛ_Акц+КВАЛ, проминентным признаком становится субстанциально-субъектный признак СУБ_Субь.

В случае с английскими дейктическими единицами, в частности с местоимением «it», конкретная ситуативная референция дейктических лингвем восстанавливается в рамках предложения, что облегчает развертывание ситуативной синтагмемы в пропозициуме:

Ср. «*It was still their habit to spend the evening together, till ten o'clock*» [Lawrence, 2009] / Это оставалось их привычкой проводить вечер вместе, до десяти часов, где дейктическая субстантивема «it», выступая в роли формального подлежащего, уточняет состав своей синтагмемы логико-семантическими признаками, входящими в состав атрибутивной инфинитивной конструкции «to spend evening together» → ДСП_СУБ_Субь+РЕЛ_Акц+ТЕМП.

Анализ фактологического материала показал, что в русском и английском языках для обозначения ситуативной референции используется схожий **языковой инструментарий** (Таблица 1), однако частотность речевой актуализации категории ситуативности различна: в английском языке в три раза чаще авторы используют разнообразные инструменты для комплексного и сжатого описания ситуаций.

Одинаково популярны у русскоязычных и англоязычных авторов вербиально-детерминированные лингвемы, они используются в каждом третьем предложении. В англоязычном дискурсе несколько чаще, чем в русскоязычном (в 69% и 61% соответственно), прибегают к ситуативным лингвемам и предпочитают почти в каждом пятом предложении (в 19%, в отличие от 9,5% в русском языке) использовать дейктические (или местоименные) ситуативные и неситуативные субстантивемы. Русскоязычные авторы чаще, чем англоязычные (39% и 31% соответственно), прибегают к нестереотипным формам выражения концептемы ситуативности, используя имена существительные, не имеющие объективированных в языковой синтагмеме ситуативных признаков. Причем чаще всего – в 25% предложений – именно предметные имена, объективирующие категорию субстанциальности, становятся ситуативными локутемами.

Таблица 1 – Языковые средства выражения концептемы ситуативности в русском и английском языках в речевой репрезентации

Языковые средства выражения концептемы ситуативности в речевой репрезентации	Русский язык	Английский язык
1. Ситуативные субстантивемы, из них:	61%:	69%:
ремотивированные	8,5%	9%
вербиально-детерминированные	33,5%	33%
адъективно-детерминированные	9%	9%
субстантно-детерминированные	2,5%	0,5%
дейктические	6%	16%
раздельнооформленные	1%	1%
прочие	0,5%	0,5%
2. Неситуативные лингвемы, из них:	39%:	31%:
субстанциальные	25%	19,5%
локальные	6,5%	6%
квантитативные	1%	1,5%
темпоральные	3%	1%
дейктические	3,5%	3%

С одинаковой частотой в русском и английском языках в субъектной позиции в предложении используются раздельнооформленные лингвемы, представляющие собой развернутые пропозиемы, что обеспечивает адекватное понимание ситуации реципиентом, но требует определенных синтаксических правил оформления высказывания, а также дальнейшей, более глубокой спецификации в контексте, как в следующих примерах:

Ср. «Его мучило, что он ничего не смеет купить» [Набоков, 1990]; «*To accept the great nothingness of life seemed to be the one end of living*» [Lawrence, 2009] / Принять никчемность жизни казалось важнейшим ее принципом.

Отдельного внимания в лингвистическом исследовании заслуживают особо частотные лингвемы, которые авторы в обоих языках используют вне зависимости от времени написания текста и его жанра, что говорит об особой универсальной синтагменной структуре этих лингвем, а также о языковой традиции, закрепленной в культурном коде нации и облегчающей речевую коммуникацию. Наиболее удобно и привычно, исходя из статистических результатов, русскоязычным пользователям языка прибегать при описании ситуаций к концептам ментальности, акциональности и экзистенциальности – ср. *мысль, жизнь, судьба, счастье*, а англоязычным – к концептам локутивности (речевой деятельности) и невербальной коммуникации – ср. *eye* (глаз/а), *voice* (голос), *silence* (тишина), *sound* (звук), при общей тенденции использовать дейктические и меротивные имена для актуализации тех или иных логико-семантических категорий в ситуативных синтагмах с целью репрезентации концептемы ситуативности.

Что касается применения **КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ПРОЦЕССЕ РЕЧЕПРОДУЦИРОВАНИЯ**, то наиболее частотным способом актуализации того или иного актанта ситуации является расширение контенсионала ситуативных субстантивом и смена релятора в рамках категории реляциональности, которая составляет ядро ситуативной синтагмы. Это довольно частотный речевой механизм как для продуцирования, так и для интерпретации речи, так как он не требует особых мыслительных усилий в связи с тем, что категории находятся в смежных позициях в контенсиональной сетке и одинаково понятны носителям языка.

Реже всего в речи для обозначения ситуации прибегают к смене категоризации, особенно в случаях превращения неситуативной лингвемы в ситуативную локутему, так как подобный механизм требует больше ассоциативных усилий и не всегда гарантирует адекватную интерпретацию речевого послания. Например, в предложении «Снег только для мужчин» [Набоков, 1990] неясно, что понимается под словом «*снег*», если не знать, что в определенный исторический период считалось неприемлемым дамам кататься (РЕЛ_Акц) на горных лыжах.

Для корректного использования подобных речевых креативов от участников коммуникации требуется не только наличие общей апперцептивной базы, но и совпадение коммуникативных намерений.

В заключении указаны когнитологические новации исследования, определена перспектива изучения механизмов выявления ситуативного компонента субъектных локутем в зависимости от типа и состава вербальной синтагмы предикатной локутемы, а также способов актуализации категории ситуативности в локутемах, занимающих объектную и иные позиции в высказывании, с последующим расширением морфотемного анализа на текстовые и интертекстуальные отрезки.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора

Периодические издания, рекомендованные ВАК РФ

1. Языковые единицы предметной семантики как актуализатор речемыслительной категории ситуативности в русском и английском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2023. – Т. 16, вып. 9. – С. 2729-2734.
2. Ситуативная локутема как объект морфотемного анализа в репрезентативном аспекте // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика.* – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 79-84.
3. Морфотемный подход к исследованию речемыслительной категории ситуативной субъектности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2021. – Т. 14, вып. 12. – С. 3964-3969.
4. Морфотемные модели категории ситуативности в русском и английском языках и некоторые особенности их актуализации на уровне речевой репрезентации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* – 2014. – Вып. 2. – С. 99-107.
5. Проблема ситуативной референтности субъектного имени. Событие и ситуация // *Известия Тульского государственного университета.* – 2011. – Вып. 3, ч. 2. – С. 485-492.
6. Пропозитивное прочтение субъекта и способы репрезентации категории ситуативной субъектности // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* – 2010. – № 10(54). – С. 36-39.

Сборники научных статей и материалы научно-практических конференций

1. Дейктические языковые единицы как актуализатор категории ситуативной субъектности в русском и английском языках // *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XV международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ (26-28 сентября 2023 г.)* – Владимир, 2023. – С. 435-440.
2. Некоторые особенности речевой репрезентации речемыслительной категории ситуативной субъектности в русском и английском языках // *Перевод. Язык. Культура: материалы XIII международной научно-практической конференции (20-21 мая 2022 г.)* / отв. ред. И. Л. Гарбар. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 71-77.
3. Особенности языковой объективации концептемы ситуативности в русском и английском языках // *Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Серия: Лингвистика. Вып. 1(27)* / под ред. проф. А. И. Фефилова. – Ульяновск: УлГУ, 2022. – С. 57-63.